

О. Н. МУХИН

ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР И ЕГО «НЕПОТРЕБНЫЙ СЫН» ПРОБЛЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В МОНАРШИХ СЕМЬЯХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается конфликт Петра I и царевича Алексея. Использование междисциплинарных технологий и активное привлечение историко-сравнительного материала позволяют автору уточнить представления о причинах и степени нетипичности этого конфликта, анализируемого в контексте переходных процессов, протекавших в раннее Новое время в сфере представлений о семье и детстве.

Ключевые слова: *Пётр I, история детства, раннее Новое время, историческая психология, междисциплинарный подход.*

Гибель царевича Алексея, старшего сына Петра I, произвела огромное впечатление на современников и продолжает будоражить воображение россиян уже триста лет, являясь одним из основных поводов для обвинений первого императора в жестокости (недаром клеймо отцеубийц несут еще двое правителей, вместе с Петром составляющих типологическую триаду ошельмованных тиранов – Иван Грозный и Иосиф Сталин). Однако, при всем трагизме этой истории, она, как и многие другие факты биографии Петра, окрашена в преувеличенно эмоциональные тона, мешающие ее верной оценке. Попробуем критически присмотреться к конфликту царя-реформатора и его «непотребного сына» в контексте проблемы взаимоотношения отцов и детей в монарших семьях раннего Нового времени.

Алексей, родившийся 18 февраля 1690 г., был первым из трех детей Петра от Евдокии Фёдоровны (урожденной Лопухиной) (помимо него царица родила еще двух сыновей – Александра и Павла, но оба умерли в младенчестве). Отец исполнил все положенные ритуалы в связи с рождением сына: 19 февраля вместе с братом Иваном совершил торжественный выход к молебствию в Успенский собор, после чего принимал поздравления патриарха и духовенства; затем угощал в Передней палате дворца думных и ближних людей фряжским вином, а московское дворянство, стрельцких полковников, дьяков и гостей – водкой. По традиции были объявлены пожалования в бояре дяде Петра, ближнему стольнику Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину, и дяде Евдокии окольничему Петру Меньшому Абрамовичу Лопухину¹.

---

¹ Богословский. 2005. С. 84.

Однако М.М. Богословский, на основании дневника П. Гордона, делает вывод, что «рождение сына было для семнадцатилетнего Петра событием безразличным, совсем его не захватившим», так как вечером того же дня он вызвал к себе генерала, пробывшего с царем всю ночь, а на другой день уехал из Москвы на обед к Л.К. Нарышкину в Фили, откуда вернулся только 21 февраля². Правда, насколько нам известно, поначалу отец относился к первенцу достаточно тепло и не отказывался от исполнения положенных обязанностей. Так, 17 марта следующего 1691 г. было отпраздновано обычным порядком тезоименитство царевича; государи-соправители Пётр и Иван Алексеевичи были у обедни в Алексеевском монастыре, а затем в Передней палате происходило пожалование поздравителей³. По возвращении из-за границы в 1698 г. Пётр, не желавший видеть жену, захал взглянуть на сына, и только после этого отправился к своей любовнице Анне Монс⁴.

Понять, насколько нетипично поступал молодой царь во всех случаях, которые можно расценить как проявления безразличия, сложно. Конечно, Алексей Михайлович не уезжал из столицы в первые дни после рождения Петра, но у него вообще было меньше интересов вне стен Кремля, чем у неугомонного сына. Неизвестно, сколько времени ежедневно тратил на сына Тишайший, и какое место занимали его занятия с детьми в ряду обязанностей правителя⁵. Стиль отношений обитателей Кремля, далекий от семейной идиллии в современном понимании, охарактеризовал И.Е. Забелин: «...если даже государь посылал кого-либо к царице и к детям спросить о здоровье или “для какого иного дела”, то и в таком случае посланные, по словам Котошихина, “обсылались чрез боярынь, а сами не ходили без обсылки”. То же самое наблюдалось и со стороны царицы»⁶. В дальнейшем Пётр особо не вникал в нюансы воспи-

---

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 105.

⁴ *Корб.* Дневник путешествия в Московское государство... С. 87.

⁵ В нашем распоряжении есть лишь сообщения о привлечении Тишайшим маленького сына к представительским функциям. Пётр постоянно упоминается в числе лиц царской семьи, отправлявшихся в походы по монастырям и храмам в Москве и за городом и в подмосковные резиденции (Воробьево, Измайлово, Преображенское, Коломенское). Первое упоминание относится к октябрю 1673 г., когда Алексей Михайлович с семьей отправился к Троице (*Богословский.* 2005. С. 19). Цели таких выездов были как религиозные, так и «потешные». Еще одна из форм церемониала: в ходе празднования своих именин в 1675 г. царевич сам благодарил боярина Б.М. Хитрово за присланные от отца яства: «и государь царевич жаловал за то боярина и оружничего Богдана Матвеевича водкою и подачами с кубки и с чарки» (Там же. С. 25).

⁶ *Забелин.* 1990. С. 325-326. Г.К. Котошихин, посвятивший одну из глав своего сочинения рождению царских детей, описывает лишь парадную сторону этого со-

тания сына. Однако он старался назначить ему «передовых» учителей (сначала М. Нейгебауера, затем барона Гюйссена), стремился привлекать его к царской (по его собственным понятиям) деятельности, устроил престижный и политически выгодный брак. Вряд ли большинство европейских монархов того времени, как и предшественники Петра на российском престоле, уделяли своим отпрыскам больше внимания. Не стоит оценивать родительские качества царя-реформатора с современной точки зрения: Н.Л. Пушкарева отмечает, что на Руси XVI–XVII вв. представления о воспитании отцами сыновей предполагали изрядную строгость (особенно это проявляется в «Домострое»). Иные идеи появляются в это время в церковно-учительной литературе в связи с темой материнского воспитания и его методов: матери бить детей не полагалось. Исследовательница иллюстрирует это гендерное различие поговоркой: «Дети балуются от маткиного блинца, а разумнеют от батькиного дубца»⁷. По словам Е.В. Анисимова, Пётр исходил из тогдашней педагогической концепции принуждения – назначил сыну содержание, определил воспитателей и учителей, утвердил программу обучения и занялся своими делами, думая, что, в случае чего, страх наказания поправит дело⁸.

Где же берет начало разлад? В историографии сложилось устойчивое представление о «дурном влиянии», оказываемом на Алексея его матерью, настраивавшей его против отца, либо сознательно, из-за неприятия его нововведений⁹, либо неосознанно, испытывая и выказывая неприязнь к иноземцам, отвлекавшим Петра от семейных обязанностей (и в том числе к его любовнице Анне Монс)¹⁰.

Так или иначе, разлад между родителями, окончившийся изгнанием матери в монастырь, не мог не подействовать отрицательно на детскую психику. Психологический аспект проблемы выразил Н.И. Павленко: «Ребенок рос под противоположными влияниями, в нем постепенно формировалось стремление угодить обоим родителям, отчего в его характере возникали такие пороки, как лживость, лицемерие, двуличие»¹¹. Этот вы-

---

бытия, обставленного большим количеством публичных церемоний (*Котошихин*. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 25).

⁷ Пушкарева. 1997. С. 75. Между прочим, сам Пётр в своем ультиматуме сыну вспоминал, что неоднократно бивал его (См.: Павленко. 2008. С. 67).

⁸ Анисимов. 1989. С. 440.

⁹ См., например: Устрялов. 1859. С. 11. Правда, М.П. Погодин возражал, что Евдокия не могла влиять на сына в пользу старины и ненависти петровской деятельности, так как Пётр тогда еще особых новшеств не вводил, да и вряд ли она способна была понимать различие между стариной и новизной (*Погодин*. 1996. С. 419-420).

¹⁰ Соловьев. 1991. С. 105.

¹¹ Павленко. 2008. С. 14.

вод вполне согласуется с положениями психологической науки. По словам Э. Эриксона, детское супер-эго, которое бывает очень безжалостно, может развить глубокие регрессии и стойкие обиды при наблюдении несоответствия поведения родителей выдвигаемым ими самими нормам. Это порождает ненависть к таким родителям, подозрительность и способность изворачиваться¹². В данном случае проблема еще сложнее: Алексей в раннем детстве не мог, конечно, решить для себя, кто из родителей прав, однако сама нездоровая атмосфера, порожденная конфликтом между двумя самыми близкими для него людьми, не могла не деформировать психику ребенка, заставляя его пытаться соответствовать двум разным «правдам». Со временем царевич стал все более отдаляться от отца, делая выбор в пользу матери. Этому способствовали разные факторы. Попробуем разобраться, какие именно.

Наблюдатели отмечали в царевиче наличие вполне перспективных задатков¹³. Не стоит утверждать, что эти два человека – отец и сын – были абсолютно разными людьми. Скорее можно сказать, что Алексей – это Пётр со знаком «минус». Очень многие штрихи в образе жизни и поведении царевича напоминают облик его великого отца. Алексей рос без отцовского присмотра, при матери (до девяти лет), брошенной мужем, занятым играми, делами и любовницами, в атмосфере неприязни к деятельности Петра. Не лишенный природного ума, он, однако, не перенял отцовской неумной жадности действий. Несмотря на «правильность» воспитания, круг общения Алексея напоминает «антихристовы сборища» Петра – члены «компании» царевича имели далеко не православные прозвища «Ад», «Сатана», «Молох»¹⁴. Одним из главных пороков Алексея и его окружения являлось пьянство, свойственное и царю-реформатору. Отец помимо воли сына женил его, руководствуясь собственными соображениями – то же самое когда-то произошло и с Петром. Имея жену, принцессу Вольфенбюттельскую, Алексей завел любовницу – крепостную «девку» своего учителя Н. Вяземского Ефросинью. Несмотря на все своеобразие личности Петра при таком сопоставлении напрашивается вывод о некоей преемственности¹⁵. То есть, при всех проблемах во взаимоотношениях, отец оставался, скорей всего на бессознательном уровне, образцом для царевича (сходный набор качеств можно обнаружить и у

¹² Эриксон. 2000. С. 249.

¹³ См.: Бруин. Путешествия в Московию. С. 94; Шотландец в России... С. 223.

¹⁴ Буганов. 1989. С. 151.

¹⁵ Царевич сам указывал на сходство ситуации в последнем случае: «Ведайте себе, что я на ней (Ефросинье. – О.М.) женюсь: ведь-де и батюшка таковым же образом учинил» (Погодин. 1996. С. 451).

последующих российских монархов мужского пола – Петра II и Петра III, причем именно в «ухудшенной» версии царевича Алексея).

Нельзя утверждать и то, что Алексей Петрович испытывал однозначное отвращение ко всему западному – недаром он предпочел бежать от отца в Европу. Если оторваться от сугубо официальной «пропетровской» позиции, наиболее адекватной кажется характеристика царевича, данная С.М. Соловьевым, называвшим его «образованным, передовым русским человеком XVII века», то есть более похожим не на отца, но на деда Алексея Михайловича или дядю Фёдора Алексеевича. Таким образом, «отец опередил сына!»¹⁶.

И действительно, царевич Алексей просто был типичным представителем русской традиции (в ее «изводе» конца XVII в., испытавшем значительное западное влияние, опосредованное малороссами), а отсутствовавшие у него черты даются только отдельным личностям, потому и называемым великими. Конечно, стоит учитывать и явственные различия в темпераменте между с очевидностью холерико-сангвиническим типом Петра и холерико-меланхолическим¹⁷ Алексея.

Судя по всему, по крайней мере до 1713 г. отношения между отцом и сыном были вполне нормальными¹⁸. Все это время Алексей Петрович выполнял, вполне сносно, хотя и не без нареканий, ответственные поручения: руководство подготовкой Москвы к обороне от шведов, заготовка припасов для войска или набор рекрутов. Пётр, заставляя сына заниматься делами, фактически следовал принятым в традиционном обществе представлениям о формах воспитания детей, согласно которым их следовало помещать в пространство практической деятельности за пределами родного дома. Сочетание такого обучения с домашним или школьным «интеллектуальным» образованием отражало переходный характер эпохи в восприятии детства. Ф. Арьес отмечал, что в XVII в., параллельно со все более возраставшей ролью школ, обучение в людях «не стояло на месте и совершенствовалось»¹⁹, уйдет же со сцены эта практика к концу XVIII в. (по крайней мере для зажиточных слоев)²⁰.

---

¹⁶ Соловьев. 1991. С. 105.

¹⁷ Интересно, что А.П. Чехов характеризовал как холерико-меланхоликов «девятью девятью процентов славянофилов». По его язвительному замечанию, к такому типу относятся «непризнанный поэт, непризнанный *pater patriae* (Отец Отечества), непризнанный Юпитер и Демосфен... и т. д. Рогатый муж. Вообще всякий крикливый, но не сильный» (Чехов. Темпераменты (по последним выводам науки)).

¹⁸ На это указывает М.П. Погодин (Погодин. 1996. С. 426).

¹⁹ Арьес. 1999. С. 380.

²⁰ Там же. С. 404.

Царевич, судя по всему, тяготился этой нагрузкой, что понятно: царским отпрыскам ранее опыт, навязываемый Петром своему наследнику, не был свойственен. В Европе практический подход в обучении (в сочетании с «книжным») в раннее Новое время ценился и в монарших семьях, однако петровская версия носила отпечаток оригинальности. Имея привычку вникать во все сферы государственной и военной деятельности, снизу доверху, он и от сына требовал пока наработки не столько навыков монарха, сколько администратора. Примерно в том же возрасте, в котором Алексей Петрович исполнял обязанности интенданта, Людовик XIV, согласно замыслам Мазарини, ежедневно выслушивал доклады государственных секретарей первому министру, присутствовал на заседаниях Государственного совета, а в последние годы жизни кардинала даже председательствовал на них²¹. Но, хотя и в авторской трактовке, Пётр все же следовал магистральной тенденции того времени.

Д.И. Мамычева отмечает, что в это время «проективная ценность детства, осознание его не только в качестве настоящего, но, прежде всего, будущего, задает направленность социальных проектов, основной смысл которых сводится к стремлению целенаправленно формировать наиболее востребованные для общества качества и способности. Вышеуказанная позиция получает воплощение в моделях воспитания, где определяющей становится идея создания организованного, подконтрольного, топологически обособленного пространства. По всей видимости, этим отчасти прагматическим подходом объясняется отмечаемое исследователями стремление свести к минимуму возможность для детей быть предоставленным самим себе...»²². В случае царевича Алексея следует сделать лишь одну поправку: отец воспитывал в нем качества и способности, важные лично для него (хотя, как и в отношении самого себя, он воспринимал их как необходимые в первую очередь для служения Отечеству).

Подтверждением того, что царь видел Алексея своим преемником, является факт женитьбы последнего в 1711 г. на принцессе Вольфен-

---

²¹ *Блюш.* С. 157. Конечно, следует учитывать различие ситуаций: Алексей выросл при правящем отце, тогда как Людовик сам был монархом.

²² *Мамычева.* 2013. С. 94. Здесь отразились общие процессы трансформации новоевропейского мировоззрения – утверждение представлений о господстве разума над природой. Особая роль в этой доктрине отводилась монархам, призванным упорядочивать политическое, социальное, экономическое и культурное пространство (*Раев.* 1990. С. 38-40). В случае Петра такие установки должны были привести, и привели, к взрывному эффекту, будучи помножены на гиперактивный темперамент, а также на и без того чрезвычайную роль монарха в российском обществе. Стремясь утвердиться в качестве Учителя своего народа (см.: *Мухин.* 2012), царь-реформатор не мог не оказывать жесткое регулятивное давление и на собственного сына.

бюттельской, родственнице германского императора²³. Гневное письмо, в котором Пётр угрожает сыну лишением прав на престол и перечисляет все его проступки²⁴, было передано царевичу вскоре после рождения у него сына, Петра Алексеевича и за день до появления на свет цесаревича Петра Петровича (т.е. осенью 1715 г.), причем М.П. Погодин считает, что письмо было написано задним числом и на самом деле являлась реакцией на появление царского внука²⁵.

Создается впечатление (и на это обращали внимание ряд исследователей), что отцовские чувства Петра подвергались прессингу со стороны лиц, заинтересованных в устранении царевича Алексея от наследования престола²⁶. Подозрение падает на царицу Екатерину и А.Д. Меншикова²⁷. Впервые об этом заявил во время следствия сам Алексей Петрович, передававший свои слова, сказанные австрийскому канцлеру Шёнборну: «Отец был добр ко мне; когда у меня пошли дети и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына; она с князем Меншиковым постоянно раздражала отца против меня, оба люди злые, безбожные, бессовестные»²⁸.

Напротив, С.М. Соловьев предполагал, что наблюдая в сыне «отвращение к отцовскому делу», Пётр обязательно должен был прийти к мысли о необходимости устранения Алексея как главной помехи сохранения собственных достижений. «Другим людям, которым выгодно было отстранение Алексея, было не нужно и опасно пытаться укреплять эту мысль, ибо укрепление шло необходимо, само собою, надобно было только оставить дело его естественному течению; вмешательством можно было только повредить себе, ибо Пётр по своей проницательности мог сейчас увидеть, что другие делают тут свое дело»²⁹. Историк подчеркивал, что «цель Екатерины Алексеевны состояла в том, чтоб заискать все-

---

²³ Погодин. 1996. С. 426.

²⁴ См.: Соловьев. 1991. С. 136-137.

²⁵ Погодин. 1996. С. 432.

²⁶ Конечно, это не значит, что причин недовольства у самого Петра не было. В «Докладе о России» датского посланника Г. Грунда, завершеном в 1710 г., говорится, что «в России распространено мнение, согласно которому царевич никогда не полюбит смелых замыслов государя отца и вызванных ими перемен, а всем приказаниям царя следует, согласно правилам русских, лишь из сыновнего послушания, по природе же своей любя единенную жизнь по образу деда и прародителей, которые никогда сами не командовали своими армиями и общались преимущественно с духовенством» (Грунд. Доклад о России. С. 131-132).

²⁷ Этой версии придерживался, в частности, М.П. Погодин (1996. С. 431).

²⁸ Цит. по: Соловьев. 1991. С. 149.

²⁹ Соловьев. 1991. С. 128.

общее расположение, стараясь услуживать всем, быть ко всем “доброю”; добра была она и к пасынку, которому не могла выставить соперника в собственном сыне»³⁰. С.М. Соловьев считал, что «ссора и без них (Екатерины и Меншикова. – *О.М.*) стала необходимостью по возвращении Алексея из-за границы (в 1712 г. – *О.М.*), при первом сопоставлении отца с сыном в правительственной деятельности»³¹. То, что царица была добра к пасынку, как будто подтверждал сам царевич в разговоре с Б.И. Куракиным. На вопрос князя: «Добра к тебе мачеха?», Алексей отвечал: «Добра». Однако титулованный дипломат тут же заметил: «Покамест у ней сына нет, то к тебе добра; а как у ней сын будет, не такова будет»³².

Но помимо того, что Екатерина вполне могла занимать двуличную позицию в таком щекотливом деле, как обеспечение будущего не только российского престола, но и ее собственных детей, в правительственной деятельности, по выражению С.М. Соловьева, поводы для сопоставления имелись и ранее, как было сказано выше. Более того, историк отчасти противоречил сам себе, когда отмечал, что «царевич мог считать своими друзьями почти всех родовитых людей, ибо они смотрели на него как на человека, *при котором не будет Меншикова* (выделено мной. – *О.М.*) с товарищами»³³. Соответственно, у светлейшего, который официально числился воспитателем царевича, не могло не быть предубеждения против своего воспитанника. Современный исследователь В.Ж. Нурғалиев, опираясь на психологический принцип деятельностного опосредования, предлагает, изучая отношения между Петром и Алексеем, обращать внимание именно на то, кто был заинтересован в их использовании³⁴. Если предположить, что Меншиков имел следующий мотив деятельности (под которой в данном случае понимается интрига) – достижение и удержание любой ценой высокого положения, которое давало возможность обогащения и заставляло окружающих забывать то прошлое, которого он стыдился, то главной целью на этом пути становилось устранение важнейшей помехи – Алексея³⁵. Для достижения этой цели «светлейшему» следовало укрепить доверие Петра к себе и не допустить любой ценой к престолу Алексея. Такие цели определили две стратегии деятельности (интриг): воздействие на Петра

---

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 126.

³³ Там же.

³⁴ *Нурғалиев*. 1990. С. 145.

³⁵ Пётр как-то сказал Меншикову: «Данилович! Покуда я жив, потоль и ты, а без меня не дадут тебе много жить» (Там же. С. 147).

и на Алексея. Воздействие на Петра оказывалось посредством внушения ему мысли о необходимости отрешения Алексея от наследства (здесь его поддерживала с теми же целями Екатерина)³⁶. Что же касается воздействия на царевича, то сам Алексей считал, что Меншиков нарочно спаивал его. Судя по тому, что наследника бесшумно окружали малопривлекательные и далекие от новационных процессов люди (наподобие его наставника Никифора Вяземского), можно предположить, что подозрения против князя имеют основания.

Так или иначе, но вполне в соответствии с версией М.П. Погодина и С.М. Соловьева, мы можем проследить формирование отчетливой идеи о несоответствии Алексея качеств наследника в голове Петра около 1713 г., что выразилось в подготовке и введении в 1714 г. указа о единонаследии³⁷. То, что этот указ связан с предполагаемой судьбой царевича, было очевидно уже современникам³⁸.

Датский посланник Вестфален незадолго до бегства царевича за границу, зафиксировал весьма характерные высказывания Петра по вопросу престолонаследия: «...у царя Давида было много сыновей, но так как он не нашел в старших тех качеств, которыми необходимо было обладать царям Израиля, то подчинил их всех самому младшему, которого избрал себе преемником, и Бог одобрил его выбор, хотя должен был бы обвинить его в нарушении права первородства, которое издавна высоко чтили евреи. Если гангрена начнется в этом пальце (тут царь заставил меня [т.е. Вестфалена] прикоснуться к кончику его большого пальца), то не буду ли я вынужден, несмотря на то что это часть моего тела, велеть его отрезать, а не сделав этого, не стану ли собственным убийцею?»³⁹.

Зная, чем закончилось дело несчастного царевича, мы вполне можем признать эту выразительную речь Петра программной. Она позволяет нам понять психологическую подоплеку этого конфликта. Поставленный

---

³⁶ Там же.

³⁷ П. Пекарский отмечает, что в том же 1714 г. Гюйссен по заданию Петра составил справку о праве первородства в европейских странах (*Пекарский*. 1862. С. 101). При этом следует все же учитывать, что вряд ли это был резкий поворот – недовольство должно было накапливаться исподволь, может быть, годами. Подтверждение этому можно найти у того же П. Пекарского: впервые Пётр заинтересовался проблемой престолонаследия и майората еще в 1699 г., как следует из письма к нему Я.В. Брюса: «Милостивейший государь! По твоему государскому писанию к Адаму Вейду, послал я к тебе, государь, краткое описание законов (или правил) шкоцких, английских и французских о наследниках (или первых сынах)» (Там же. С. 292). Незадолго до этого царь отправил в монастырь Евдокию Фёдоровну.

³⁸ См., напр., письмо царского посланника от 1715 г. (*Погодин*. 1996. С. 434).

³⁹ Цит. по: *Бушкович*. 2008. С. 354.

отцом в ситуацию жесткого и, можно сказать, невозможного выбора⁴⁰, Алексей при помощи нескольких сочувствующих лиц бежал за границу, к германскому императору. Казалось бы, речь идет о решительном действии, за которым должны были последовать другие. Однако дальнейшее его поведение свидетельствует о том, что это был скорее способ уйти от решения, своего рода запоздалый (царевичу было двадцать пять лет) мораторий (в терминологии Э. Эриксона⁴¹). Слезно умоляя императора об убежище, Алексей вскоре оказался в отдаленном тирольском замке Эренберг вместе со своей возлюбленной Ефросиньей, где жил на полном обеспечении, однако лишенный свободы передвижения и общения, как своего рода почетный пленник. Показания царевича во время следствия достаточно противоречивы. Сквозным мотивом кажется его стремление оказаться в деревне вместе с Ефросиньей (от престола Алексей согласился отречься в пользу новорожденного брата Петра Петровича еще до бегства), однако с надеждой на изменение ситуации в будущем, после отцовской смерти. Самые страшные признания или были сделаны самим царевичем под пыткой, или прозвучали из уст его любовницы, так что есть подозрение, что она то ли вступила в соглашение со следователями, то ли еще ранее была в сговоре с теми, кто хотел скомпрометировать Алексея в глазах отца⁴², так что доверять им следует с осторожностью.

Правда, П. Бушкович отмечает, что утверждения Алексея о его пассивном ожидании естественной смерти царя «противоречило его волнение при известии от Плейера (императорского посланника. – *О.М.*), что в русском корпусе в Мекленбурге ожидается бунт»⁴³. Бушко-

---

⁴⁰ Во втором роковом письме сыну Пётр предлагал: «или отмени свой нрав и нелцемерно удостой себя наследником, или будь монах» (*Соловьев*. 1991. С. 140).

⁴¹ Мораторий – психологическая стадия между детством и взрослостью, «между моралью, уже усвоенной, и этикой, которую еще предстоит развить» (*Эриксон*. 2000. С. 251). Речь идет о психологическом защитном механизме, позволяющем отсрочить вступление во взрослость с ее все возрастающей ответственностью.

⁴² Такую версию впервые высказал французский консул в Петербурге Виллардо в его донесении, процитированном Н.И. Павленко. Историк критически отнесся к этому сообщению, не подтверждаемому источниками, хотя и признает, что Ефросинья сыграла свою роль в возвращении царевича на родину (*Павленко*. 1994. С. 397-398). Е.В. Анисимов, напротив, считает возможным, что именно Ефросинья уговорила Алексея вернуться, работая на П.А. Толстого, который занимался розысками беглеца, так как она единственная в этом деле избежала пыток и вообще вполне успешно выкрутилась из сложных обстоятельств (*Анисимов*. 1989. С. 447). Интересно, что Меншиков, зная о планируемом царевичем отъезде за рубеж, якобы к отцу, находившемуся в это время в Дании, посоветовал ему взять Ефросинью с собой (так, по крайней мере, передавал сам Алексей Кикину). См.: *Соловьев*. 1991. С. 146).

⁴³ *Бушкович*. 2008. С. 417.

вич пишет: «очевидно, что если бы в 1717 г. в русской армии в Мекленбурге действительно вспыхнул бунт, а Алексей к нему примкнул бы или его возглавил, то он выступил бы против своего отца, который был еще жив. Далее, Пётр не знал точно, о чем именно Алексей вел переговоры с имперским двором или со Швецией, но ни в одном случае не шла речь о том, чтобы дожидаться смерти русского царя. Планы, стоявшие за этими разговорами, подразумевали, что армия, следующая или из владений Габсбургов, или из Швеции, не встретит большого сопротивления ни со стороны корпуса Боура в Польше, ни со стороны войск князя Михаила Голицына в Финляндии». И делает вывод: «Свидетельства по делу показывают, что его [Петра] сын надеялся на скорое восстание, которое хотел использовать в своих интересах, если даже не возглавить, и что такое восстание было бы направлено против самого царя, а не против Меншикова как регента после смерти Петра»⁴⁴. Представляется, в этой версии слишком много «если». Прямого противоречия с показаниями Алексея здесь нет: в случае бунта он вполне мог бы, оставаясь знаменем движения, ожидать его окончания как зритель⁴⁵.

Итак, рассматривая конфликт Петра и Алексея, следует помнить, что царевич был сыном от первой, нелюбимой жены царя-реформатора, которого он, в силу специфики монарших семей, воспринимал, скорее, как политическую фигуру, нежели как свое дитя. Базовое недоверие (термин Э. Эриксона) порождало в Петре повышенный уровень подозрительности и бессознательного страха за свой властный статус, что было не редкостью в семьях правителей. Он вполне терпимо относился к единственному сыну до того, как прочно связал себя с Екатериной. Вскоре после этого и начинается охлаждение, что наталкивает на мысль о влиянии Меншикова и новой царицы, провоцировавшем и без того имевшую место тревогу царя за будущность своих преобразований. Рождение сына Екатериной ставило Петра перед выбором: он мог, как Алексей Михайлович (или Людовик XIV) спокойно относиться к прибавлению отпрысков от разных женщин, либо попытаться взять процесс под свой жесткий

---

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Австрийские власти, наблюдавшие царевича во время пребывания в пределах империи, отмечали его слабость и непостоянство: не хотел жениться на кронпринцессе – женился; объявлял решительно, что не поверит в отцово прощение – поверил, что не вернется, пока жив, в Россию – вернулся (*Погодин*. 1996. С. 451). Когда Алексея везли домой, в Россию, австрийский вице-канцлер Шёнборн писал императору: «...В царских владениях мы могли бы кое-чего добиться, то есть поддержать какие-нибудь восстания, но должен информировать Ваше императорское величество о том, что этот царевич не имеет ни достаточной отваги, ни ума, чтобы из оных [восстаний] извлечь реальную надежду или пользу» (Цит. по: *Бушкович*. 2008. С. 369).

контроль. Его разговор с Вестфаленом наглядно продемонстрировал предпочтения Царя-Демиурга: он не мог потерпеть, чтобы в его планы вмешивалась «природа», что вполне вписывалось в мировоззрение Петра и наступавшего века Просвещения. О том, что все события не были до конца просчитаны царем, испытывавшим противоречивые сомнения в ходе этого конфликта, свидетельствуют тексты его писем сыну в 1715 г. потребовав в первом письме «перевоспитания» («или неллицемерно удостоить себя наследником...») или отречения от престола, и получив формальное согласие Алексея на последнее, Пётр далее снова призывает царевича подумать как следует, как будто не ожидал именно такого ответа, или, что вернее, подозревал в неискренности («что же приносишь клятву, тому верить невозможно для вышеписанного жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь»⁴⁶; тем более что поводы для сомнения были – А. Кикин, один из сторонников царевича, советуя ему согласиться на постриг, заявлял: «Ведь клубок не прибит к голове гвоздем, можно его и снять»⁴⁷). Поведение Петра предстает нелогичным: если поставить себя на место вопрошаемого, то весьма сложно понять, как же ответить «правильно»? С.М. Соловьев прямо пишет, что выбор Алексея в пользу монашества царя не устраивал⁴⁸. Видимо, Пётр ждал, что сын «изменит нрав», однако представить себе такую возможность во взрослом, сформировавшемся человеке весьма сложно. Или, что более вероятно, отец провоцировал наследника (скорей всего, бессознательно) на действия, которые бы позволили легитимизировать в глазах подданных его отстранение от наследования престола.

Своим бегством Алексей явно помог отцу принять решение. Далее царь поступал с сыном как с предателем интересов Отечества. Здесь мы видим принципиальную разницу между Иваном Грозным и Петром. Если первый оказался в прямом смысле сыноубийцей, хотя, согласно современному уголовному праву, его преступление классифицировалось бы как «непредумышленное», то второй подверг сына весьма представительному суду за государственное преступление, которое расценивалось бы таковым для любого другого его подданного, продемонстрировав тем самым высшую форму беспристрастия – в рамках создаваемого им образа Отца Отечества Пётр просто не мог поступить иначе. Показательно, что народ скорее понял бы его в случае прощения беглеца, и никак не мог простить ему гибели царевича, что лишний раз доказывает, что Пётр

---

⁴⁶ Устрялов. 1859. С. 157.

⁴⁷ Устрялов. 1859. С. 157. Конечно, Пётр об этих словах узнал только на следствии, но наверняка и сам мог догадываться о такой возможности.

⁴⁸ Соловьев. 1991. С. 140.

создавался с высшим идеалом правителя, а не с мнением окружающих⁴⁹. Однако нельзя сбрасывать со счетов и бессознательные мотивы – стремление обезопасить себя от соперника, которые и были рационализированы в рамках концепции «служения Отечеству»⁵⁰.

О том, что наследник вполне мог восприниматься правящим монархом как соперник или как живое напоминание о преходящем характере власти и могущества, свидетельствует пример английского короля Георга I, современника Петра, который ненавидел своего сына: «Стоило появиться принцу Уэльскому, как его лицо багровело, а глаза бешено сверкали. Король не упускал случая задеть или унижить наследника резкими оскорбительными замечаниями. Такое отношение вызывало у принца ответные приступы ярости, но ему оставалось только ждать»⁵¹. Георг даже отнял у принца детей, а ему самому запретил являться ко двору (точно так же поступила российская императрица Екатерина II со своим сыном Павлом Петровичем, удалив его в загородные резиденции и руководя воспитанием Александра Павловича)⁵².

---

⁴⁹ Подобное отношение подданных весьма характерно, и лишний раз свидетельствует о глубоком укоренении авторитарных установок в российской ментальности. Недаром одним из подтверждений чудовищных наклонностей И.В. Сталина до сих пор считается отказ вождя обменять своего сына, попавшего в плен к немцам, на нацистского генерала, хотя этот поступок скорее должен был свидетельствовать не о жестокости, но о принципиальности руководителя государства (конечно, это не перечеркивает иных, с очевидностью страшных, черт диктатора). При этом показательно и то, что в народе активно распространялся слух о том, что Пётр либо сам лично убил сына, либо приказал сделать это своим приближенным. Интересно, как бы реагировали подданные, если бы казнь, к которой был приговорен царевич, действительно состоялась? Показательно, что иностранные наблюдатели, напротив, положительно отзывались о придании делу царевича официального характера. Так, голландский резидент де Би писал: «его величество следует в этом печальном деле весьма похвальной методе, оставляя, как монарх, исследовать и обсудить все действия публично, на основании законов и правосудия, дабы весь мир узнал страшные и преступные замыслы его сына и необходимость, которая заставила его величество так действовать» (Цит. по: *Павленко*. 2008. С. 218).

⁵⁰ Из письма Петра сыну: «Я за свое отечество и за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя негодного пожалеть» (Цит. по: *Соловьев*. 1990. С. 571).

⁵¹ *Масси*. 1996. С. 221-222.

⁵² Не стоит забывать и об одной из версий причин конфликта Ивана Грозного со своим старшим сыном – проявлении последним политической активности, подержанной частью элиты. Царевич якобы требовал дать ему войско для спасения Пскова от Стефана Батория. Б.Н. Флоря отмечает, что в передаваемых современниками вариантах этой истории сквозит общий мотив – осуждение Иваном Ивановичем трусости отца, отказывавшегося встать во главе воинства (но, возможно, проблема заключалась еще и в том, что, помимо желания самого наследника, об этом просили, согласно Павлу Одерборну, бояре и дворяне, что свидетельствовало о не-

Весьма серьезное давление со стороны отцов на своих сыновей в монарших семьях, по-видимому, проблема довольно распространенная (как, впрочем, и в среде рядовых представителей традиционных обществ). При этом европейская ситуация значительно отличалась от российской. Специфика феодальных отношений в странах Западной Европы заключалась в том, что сыновья королей с весьма раннего возраста становились не просто «приживалами» при родителях, но в той или иной степени самостоятельными владельцами, причем в таковом качестве они подчинялись королю не как «старшему в семье», но как вассалы сюзерену со всеми вытекающими нормами и взаимными обязательствами. Соответственно, «патриархальная» власть отца как главы рода была значительно меньшей⁵³. Такой стиль отношений стал одним из «кирпичиков» единой нефиксированной установки (в терминологии школы Д. Узнадзе), характеризующей большей толерантностью и подавлением агрессии, работавшей и после завершения процесса централизации (недаром все королевские сыновья в европейских государствах и в Новое время носили высокие титулы, как правило герцогов и графов тех или иных земель).

Московский период истории России, когда закладываются основы ее имперского пути, не знал политической или хотя бы экономической самостоятельности царских отпрысков, как, впрочем, и любых, самых знатных представителей общества, не сформировавшего в законченной форме аристократического этоса. Уже в середине XVI в., с исчезновением уделов, царские сыновья превращаются «просто» в царевичей без какой-либо иной титулатуры. Г.К. Котошихин пишет, что царским сыновьям, не являвшимся наследниками, могли даваться владения для «прокормления», при этом подчеркивая, что «царств Казанского и Астраханского и Сибирского, и государств Владимирского, Новгородского и Псковского давати опасаются, понеже чрез великую силу достал пер-

---

которой популярности царевича в среде элиты) (Флоря. 2003. С. 373). Интересно, что И.А. Толчев, подвергающий сомнению факт убийства Иваном IV своего сына, считает, что царь должен был увидеть «добрый для себя знак» в популярности своего сына у подданных, и «было бы крайне удивительным, если б Иван IV видел в собственном сыне-наследнике конкурента за престол» (Толчев. 2013. С. 90). Безусловно, такое мнение противоречит историческим реалиям самых разных стран и истории отношений Петра I с царевичем Алексеем. По такой логике Пётр также должен был радоваться наличию большого числа сторонников у своего сына среди элиты, а вовсе не устраивать по этому поводу следствие.

⁵³ Характерный пример можно увидеть уже в XII в. в «Анжуйской империи», дающей нам представление о двух традициях одновременно – французской и английской. Речь идет о более чем сложных отношениях Генриха II Английского с его сыном Ричардом Львиное Сердце (См.: *Добиаши-Рождественская*. 1991. С. 26-27).

вый царь под свое владение и привел в совокупление; а как бы то дано было, и тогда б они брату своему царю ни в чем не послушны были, а дети б их от них разлучились и стали б жить своим государством, а не послушенством, или б похотели быть у которого иного потентата в подданстве, и от того б приходило до великой смуты»⁵⁴.

Характерно и то, что сходные конфликты различными монархами решались по-разному. Если Пётр демонстрирует более «цивилизованную» форму решения проблемы «отцов и детей» по сравнению с Иваном Грозным, то в Европе мы можем увидеть еще более «цивилизованный» вариант. История, сходная с трагедией Петра и царевича Алексея, произошла в семье прусского короля Фридриха Вильгельма I. Вследствие специфического заболевания – порфирии – он мог совершенно внезапно вспылить на детей, и его супруге приходилось прятать их в своих комнатах. Особенно доставалось наследнику, Фридриху (будущему королю Фридриху II Великому). Но дело не только в заболевании. Сын не устраивал отца по своим наклонностям: больше, чем война, его интересовали музыка, философия, танцы. Монарх, видимо, обладавший способностью к самокритике, однажды сказал сыну: «Если бы мой отец обращался со мной так же, как я с тобой, я бы этого не потерпел – или убил бы себя, или сбежал»⁵⁵. В 1730 г., восемнадцати лет от роду, Фридрих действительно бежал, как и царевич Алексей, за границу – в Англию. Его быстро изловили, и король обошелся с сыном и его товарищем, генеральским сыном Гансом-Германом фон Катте, как с дезертирами: их бросили в тюрьму, и приговорили к казни. Однако ситуация оказалась совсем иной, нежели в России: суд отказался судить кронпринца, равно как и Военный совет. Однажды утром принца подвели к окну, чтобы он увидел, как его друга фон Катте вывели в тюремный двор и обезглавили ударом сабли⁵⁶. Сам наследник отделался лишь ссылкой⁵⁷. Немалую роль в спасении принца сыграло и внешнее дипломатическое давление со стороны разных

---

⁵⁴ *Котошихин*. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 26.

⁵⁵ Цит. по: *Масси*. 1996. С. 446.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Так как эта история произошла уже после смерти Петра, единственный аналог, который вспоминали европейские наблюдатели в связи с судьбой Алексея Петровича – Дон Карлос, сын испанского короля Филиппа II, который, будучи во враждебных отношениях с отцом, намеревался бежать в Нидерланды, но был схвачен, посажен в тюрьму и, не дождавшись судебного процесса, запланированного Филиппом, умер при не совсем ясных обстоятельствах, точно так же как и русский «принц» (Ср. в письме де Би: «От времени заговора Дон Карлоса, сына Филиппа II, короля Испанского, христианский мир не видел ничего подобного этому событию...») (Цит. по: *Павленко*. 2008. С. 218)).

европейских дворов. Так что этот пример особенно показательно оттеняет повышенную авторитарность российского самодержавия, имевшего возможность как принудить собственную аристократию выполнить свою, пусть самую суровую волю⁵⁸, так и пренебречь международным осуждением (ведь царевич Алексей благодаря браку с принцессой Вольфенбюттельской стал родственником германского императора, так что венский двор принимал участие в его судьбе)⁵⁹.

Заметим и такой интересный момент: в отличие от прусского «коллеги», который, хотя и страдал тяжелым недугом, но осознавал жесткость своей позиции по отношению к сыну, Пётр был склонен бессознательно маскировать ее государственными интересами, что говорит о более глубоко укорененных психологических проблемах российского монарха. Хотя и в случае Фридриха Вильгельма этих проблем было предостаточно – несмотря на процитированную проговорку о собственной жестокости, он все же был готов отправить сына на эшафот, но в том то и дело, что прусский король мог подавить свою агрессию под влиянием внешних факторов, Пётр же не обращал на них внимания, так как имел возможность не обращать – в силу специфики отечественного социокультурного ландшафта.

Характерно, что в российском обществе с его закрытостью и авторитарностью выбор между кровнородственными и общественными/государственными интересами вставал не так уж редко, причем не только перед монархами, но и перед более простыми людьми. Относительно незадолго до так потрясшего современников и потомков дела царевича Алексея, в правление Алексея Михайловича похожая история

---

⁵⁸ Под актом, осуждавшим на казнь царевича Алексея, поставили подписи все высшие лица тогдашней России, включая и тех, кто ему сочувствовал – и это при том, что формально Пётр своей воли не изъявлял, оставив решение судьям, которым предложил не обращать внимания на статус обвиняемого.

⁵⁹ При этом Пётр все же предпринимал усилия для оправдания своего поступка в глазах европейских дворов. Так, барон фон Лоос, польский посланник при русском дворе, в своем донесении королю Августу из Москвы от 25 февраля 1718 г. передавал слова П.П. Шафирова, сказанные им при вручении дипломату манифеста о лишении Алексея престола, «что одной из важных причин, побудивших Царя решиться на это, между прочим, была та мысль, что после смерти Царя союзникам и друзьям его пришлось бы очень плохо от такого преемника, как Царевич, который не замедлил бы бросить их тотчас по вступлении на престол; в виду всех этих причин Царь льстит себя надеждою, что Ваше Величество одобрите меру, принятую Царем и будете способствовать к поддержанию на престоле России нового преемника, если Богу будет угодно отозвать его, т.е. Царя» (Дипломатические материалы сборного содержания... 1887. С. 72). Разница в том, что Фридрих Вильгельм I вынужден был внять нашему извне, Пётр же стремился навязать сторонним наблюдателям свою версию происходящего.

случилась в семье его знаменитого «канцлера» Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нашёкина. В 1660 г., в разгар русско-польской войны, его сын Воин Афанасьевич бежал к полякам, прихватив с собой дипломатические документы и казну. Как и в случае с царевичем Алексеем, это происшествие выходило за рамки семейной трагедии: Воин был доверенным лицом при своем отце, да и сам Алексей Михайлович принимал его у себя «тайно <...> не по одно время», и потому беглец знал многие государственные секреты. Царь поставил безутешного отца перед тяжелым выбором: «промышлять» о возвращении сына, используя денежные посулы (до 10 тысяч рублей), если же из этого ничего не выйдет, то извести изменника (причем последняя мера могла быть пущена в ход лишь с ведома отца). И в этой ситуации Афанасий Лаврентьевич дал свое согласие на убийство сына, отказавшись от денег: «О сыне печали у меня нет и его не жаль, а жаль дела»⁶⁰. Правда, все окончилось благополучно – получив послание царя о прощении, Воин вернулся в Россию в 1665 г., но поведение его отца весьма показательно. Точно также важен и стиль поведения Тишайшего, легко забывшего о мести и наказании. Пётр крайне болезненно относился к предательству, что проявлялось в самых разных обстоятельствах его жизни.

Возникает вопрос: чего больше в отношениях царя-реформатора и его наследника – типичного или особенного? Сохранилось немало свидетельств очевидцев, демонстрирующих большую симпатию Петра к маленьким детям на разных этапах его жизни. Так, например, будучи в Дрездене в 1698 г., на обратном пути в Москву, на одном из пиров, устроенных в его честь Анной-Софией, матерью Августа II, царь «был очень весел, ласкал, целовал маленького кур-принца, будущего короля Августа III...»⁶¹. Также Пётр вел себя и с восьмилетним французским королем Людовиком XV в 1717 г. Согласно «Журналу путешествия во Францию», который вел кто-то из приближенных царя, тот, когда к нему приехал король, встретив его у кареты, обнял Людовика с нежностью и взял за руку. При разговоре «выражения его величества царя были столь трогательны, что все едва не прослезилось». Провожая маленького короля, Пётр опять взял его за руку и поцеловал⁶².

Но наиболее убедительно, конечно, отношение Петра к собственным детям, рожденным ему «Катеринушкой», которых он, судя по всему, искренне любил, причем как сыновей, которые, правда, рано умирали, так

---

⁶⁰ Андреев. 2006. С. 425.

⁶¹ Богословский. 2007. С. 501.

⁶² Журнал путешествия во Францию... 1822. С. 160-162.

и дочерей. Можно привести характерное письмо Петра к Анне и Елизавете от 17 мая 1722 г., отправленное из Коломны в Москву: «Аннушка и Лизенька, здравствуйте. Мы с матерью слава Богу здоровы и сего моменту идем в путь свой (речь идет о Персидском походе. – *О.М.*), дай Боже вас паки в радости видеть. А когда будете в Питербурхе, тогда большую сестру Натальюшку (младшая дочь Петра и Екатерины, умершая почти сразу после отца в возрасте шести лет. – *О.М.*) и внучат поцелуйте за нас»⁶³. И таких писем сохранилось много⁶⁴. Дети все время находились в центре внимания как тех лиц, для кого это была основная обязанность⁶⁵, так и государственных служащих весьма высокого ранга⁶⁶.

Пётр обожал своего второго наследника – Петра Петровича, которых родители ласково называли «Шишечкой». В переписке царские при-

⁶³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Оп. 1. Кн. 15. Л. 75 об.

⁶⁴ Интересно, что в этой переписке, как видно из приведенного примера, часто присутствуют вполне ласковые слова в отношении внуков – сына и дочери «непотребного» Алексея. Следующее письмо от 17 мая 1722 г., адресованное Зейкеру, семейному учителю Нарышкиных, показывает, что Пётр проявлял заботу о Петре Алексеевиче (будущем императоре Петре II): «Понеже время приспело учить внука нашего, того ради ведаю ваше искусство в таком деле и добрую вашу совесть, определяем вас к тому, которое дело начни з Богом сей осени, а именно в октябре или в первых ноября, конечно» (РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Оп. 1. Кн. 15. Л. 76 об.).

⁶⁵ Ср. письмо «мамы» Авдотьи Екатерине из Санкт-Петербурга от 8 октября 1722 г., в котором она поздравляет государыню с приближающимся днем тезоименитства и сообщает, что «их высочества дражайшие ваши дети милостивейшие мои Государыни Цесаревны обретаются помощью Божию в добром здравии...» (Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч 1, кн. 59. Л. 1177-1177 об.).

⁶⁶ Характерно, что сановники сообщали о здоровье и благополучии августейших детей не только их родителям, но и друг другу. Так, столичный генерал-полицмейстер Девиер писал Меншикову 9 августа 1722 г. о прогулке одной из цесаревен и царских внуков: «Их императорское высочество и великий князь с сестрицею каким образом с неделю гуляли в Катерингофе и в прочих сих местах. Первое следовали водою в Катерингоф июля 31 числа и там начевав, приехали в Питергоф и были трои сутки и кашкадов и фантанов смотрели которья тако действовали изрядно что против прежняго гораздо лутче. Потом оттуда сухим путем шествовали в Ранибом (Ораниенбаум. – *О.М.*) и там начевав ночь, были в Котлин острове и в гавани гуляли и фамилию Ивана Михайловича (так в петровском окружении шутиливо называли флот. – *О.М.*) видели и про здоровье ся пили. И потом поехали в Стрелину мызу и там начевали и наутрее поехали в Катерингоф и начевали и на другой день в Питербурх прибыли благополучно...» (РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 1, кн. 60. Л. 582-582 об.). Чуть ранее, 6 августа о том же писал светлейшей княгине Дарье Михайловне Меншиковой и ее сестре Варваре их брат Иван Арсеньев (См.: РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 1, кн. 60. Л. 588-588 об.). В данном случае обращения к названным адресатам обусловлено тем, что Меншикову как генерал-губернатору Санкт-Петербурга поручалась забота о царских детях.

ближенные, явно чтобы угодить августейшему родителю, часто называли цесаревича «хозяином Петербурга»⁶⁷. Однако ранняя смерть маленького наследника, не дожившего и до пяти лет, не дает возможности сравнить отношение отца к нему и к Алексею (напомню, нет свидетельств плохого отношения царя к последнему в детстве). Если бы «Шишечка» дорос до возраста потенциального соперничества, все могло измениться⁶⁸.

Таким образом, отношения Петра к детям, сложные и многогранные, отражали, во-первых, противоречивость и комбинаторность его собственной идентичности, выстроенной из элементов различных традиций (отечественных и западных, элитарных и «демократических»), к тому же не перестававшей меняться и «достраиваться» на протяжении всей его жизни, а во-вторых, переходный характер времени, одной из черт которого являлось изменение отношения к детям, сопровождавшееся отходом от стандартов пренебрежения к ним и формированием «ребенкоцентрированной» семьи⁶⁹. Пётр застал эти процессы в самом разгаре, когда средневековые формы семьи и детства еще не ушли в прошлое, но все активнее в высшие слои общества проникают представления об особом статусе детства, связанные с идеями заботы о физическом и психическом здоровье подрастающего поколения.

Конечно, помимо социокультурных черт эпохи на семейную жизнь Петра влияли и субъективные обстоятельства (безусловно, те и другие

---

⁶⁷ Ср., например, письмо царю Девиера от 11 июля 1718 г.: «Всемиловнейший Царь Государь. Всеподданнейше доношу вашему величеству Меншой хазиян санктпитебургской Государь царевич слава Богу в добром здоровье, и во всем есть лехче перед прежним, к тому же непрестанно упоминает и изволит всегда говорить папа и мама ау нету, для того что ваше величество давно невидит» (РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 3, ч. 2. Кн. 36. Л. 18). А вот письмо А.Д. Меншикова от 15 января 1718 г.: «...Их высочества вашего величества дражайшие дети как Государь царевич, мой премилостивейший Государь хозяин, так и царевны Государыни во всяком добром и здравом пребывают состоянии...» (Там же. Л. 671). Характерно, что детям Петра от Екатерины был присвоено, задолго до принятия им самим титула императора, именование «цесаревич» и «цесаревна», в отличие от царевича Алексея. Детей последнего именовали «по-старинке» «великий князь» и «великая княжна».

⁶⁸ Еще М.П. Погодин, подчеркивая иррациональность мотивов поведения Петра в деле царевича Алексея, отмечал, что и Пётр Петрович, и Пётр Алексеевич (сын царевича Алексея) могли стать врагами дела преобразований (Погодин. 1996. С. 454).

⁶⁹ Ф. Арьес указывал на наличие в XVII в. двух позиций: сторонников «сюсюкания» и моралистов, выступавших за более строгое воспитание (Арьес. 1999. С. 138-140). В XVIII в. их взгляды синтезируются и породят современную версию отношения к детям, сочетающую представления о необходимости нежности, внимания и воспитания, направленного на формирование «человека порядочного и здравомыслящего» (Там же. С. 141-142).

тесно связаны). Он был привязан к детям, которых родила ему Екатерина. Однако взаимоотношения его со старшим сыном и наследником царевичем Алексеем оказались трагическими. И дело не только в том, что тот был сыном от первой, нелюбимой жены Евдокии. Важным фактором разлада стала сама обстановка быстрых и радикальных перемен, осуществлявшихся царем-реформатором, к которой оказался неготовым его наследник. Кроме того, есть, видимо, некоторая закономерность в жестких отношениях монархов со своими сыновьями, которых они зачастую воспринимали как соперников во властном поле. Однако отцеубийцами в Новое время зарекомендовали себя только российские цари – Иван Грозный и Пётр. Помимо психологической нестандартности обоих государей это объясняется авторитарным характером властных отношений. Дело в том, что в Европе принцы являлись политическими фигурами, пусть подчиненными королю, так как имели в своем владении большие земельные богатства (кроме того, их матери происходили из монарших родов соседних государств). В России царские отпрыски, как и жены и все остальные россияне, были в полном распоряжении самодержца.

При этом между Иваном и Петром наблюдается характерная разница: первый собственными руками нанес роковой удар своему сыну в приступе аффективной злобы, тогда как Пётр, демонстрировавший большие успехи на пути приращения рациональности, подверг непослушного сына публичному осуждению на основе закона⁷⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2006. 638 с.
- Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
- Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с фр. Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; науч. ред. В.Н. Малов. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
- Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии: в 5 т. М.: ЗАО Центролиграф, 2007. Т. 2: Первое заграничное путешествие. Часть I и часть II. 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. 703 с.
- Богословский М.М.* Пётр Великий: Материалы для биографии: в 6 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельникова. М.: Наука, 2005. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697. 535 с.

---

⁷⁰ Пример Дона Карлоса в данном случае весьма показателен. Хотя он был современником Ивана Ивановича, сына Грозного, его судьба сходна с судьбой царевича Алексея, жившего на полтора столетия позже. То есть в Европе процессы оцивилизации (в понимании Н. Элиаса), важнейшей характеристикой которых является подавление аффектов и утверждение рациональности поведения, опережали таковые в России и других незападных обществах.

- Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова; ред. Л.Л. Решетникова. Л.: Лениздат, 1989. С. 17-188.
- Буганов В.И. Пётр Великий и его время. М.: Наука, 1989. 192 с.
- Бушкович П. Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725) / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; под ред. Д.М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 544 с.
- Грунд Г. Доклад о России в 1705-1710 годах / пер., статья и коммент. Ю.Н. Беспятых. М.; СПб.: Ин-т российской истории РАН, 1992. 250 с.
- Дипломатические материалы сборного содержания, относящиеся к царствованию Петра Великого // Сборник Императорского русского исторического общества. 1877. Т. 20. С. 1-78.
- Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце / послесл. Б.С. Кагановича. М.: Наука. Глав. ред. восточной литературы, 1991. 110 с.
- Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г. // Отечественные записки. 1822. № 31. С. 145-166.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: в 3 кн. / сост., вступ. статья и прим. А.Н. Сахарова. М.: Книга, 1990. Кн. 1: Государев двор, или дворец. 416 с.
- Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварриента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. М., 1997. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 21-258.
- Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 9-146.
- Мамычева Д.И. Детство – метаморфозы культурного взгляда. Таганрог: Б. и, 2013. 148 с.
- Масси Р.К. Пётр Великий: в 3 т. / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой; общ. ред. Н.Ф. Роговской. Смоленск: Русич, 1996. Т. 3. 480 с.
- Мухин О.Н. Пётр I – Царь-Учитель (истоки и смысл образа) // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Дни науки – 2012». 27 февраля – 5 марта 2012. Прага: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. С. 75-77.
- Нургалиев В.Ж. Историко-психологический анализ межличностных отношений Петра I и царевича Алексея // Стили мышления и поведения в истории мировой культуры / отв. ред. М.В. Дмитриев. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 142-157.
- Павленко Н.И. Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Павленко Н.И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с.
- Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. 579 с.
- Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем // Непотребный сын. Дело царевича Алексея Петровича / сост. Р.И. Беккин. СПб.: Лениздат, 1996. С. 416-461.
- Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Научно-изд. центр «Ладомир», 1997. 381 с.

- Раев М.* Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / пер. с фр. Я. Горбаневского и Н. Дужековой, предисл. М. Геллера. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. 304 с.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Оп. 1, кн. 15.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Оп. 3, ч. 2. Кн. 36.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Оп. 4, ч. 1. Кн. 59.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Оп. 4, ч. 1. Кн. 60.
- Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева; комм. С.С. Дмитриева и Л.П. Дойниковой. М.: Правда, 1990. С. 414-583.
- Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев, коммент. А.М. Сахаров. М.: Мысль, 1991. Кн. 9: История России с древнейших времен. Т. 17-18. 671 с.
- Толчев И. А.* Преступление, которого не было? О трагической судьбе сына Ивана Грозного // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы IX Международной научно-практической конференции 6-7 мая 2013 года. Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицера», 2013. С. 87-94.
- Устрялов Н.* История царствования Петра Великаго: в 6 т. СПб.: Типография II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1859. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. 640 с.
- Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.
- Чехов А.П.* Темпераменты (по последним выводам науки) [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. Электрон. дан. [Б. м., 1996-2014]. URL: <http://www.library.ru/text/45/p.1/index.html>.
- Шотландец в России: (Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эскайдра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...») / ввод. ст., пер. и коммент. С.В. Ефимова и Н.Ю. Павловой // Ораниенбаумские чтения / отв. ред. С. В. Ефимов. СПб.: ТЕССА, 2001. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. С. 203-237.
- Эриксон Э.* Детство и общество / пер., науч. ред. А.А. Алексеев. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Речь, 2000. 416 с.
- Мухин Олег Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; himan1@rambler.ru